

День клонился к вечеру, и очередь за лекарствами у дверей уездной управы заметно поредела.

Се Линъи стояла на ступенях, бережно вкладывая последний свёрток с травами в дрожащие руки старушки, после чего развернулась и направилась внутрь, чтобы пополнить запасы медикаментов.

В глубине управы тянулись мрачные коридоры. Она дошла до уединённого дворика, над дверью которого висела выцветшая доска с полустёртыми иероглифами: Архив.

Достав ключ, одолженный у Ван Шаогэна, она с тихим скрипом отворила дверь. Внутри высились горы дел, записей и бумаг — большинство из них пожелтели, края скрутились и стали ломкими.

Се Линъи перевела дух, прикрыла за собой дверь и при скудном свете, пробивающемся сквозь щели, принялась быстро просматривать полки.

Среди вороха небрежно брошенных бумаг, которые явно кто-то недавно второпях перетряхивал, лежала брошюра в синей тканевой обложке. Её переплёт выглядел подозрительно новым на фоне ветхих документов, резко выделяясь среди них.

Се Линъи осторожно отодвинула в сторону обрывки официальных бумаг и вытянула книжицу.

На обложке чётким, строгим почерком было выведено: Записки Вэньюаня.

Су Вэньюань — её дядя, нынешний чжуншулин династии Шэн, приближённый императора и наставник третьего принца, Вана Чэна Лань Циньяо.

Дядя сделал блестящую карьеру, с юности занимая высокие посты, и последние двадцать лет его жизнь была неразрывно связана с центром власти в столице. С этим далёким уездом Ланьян на юго-востоке страны его не могло связывать ровным счётом ничего.

Книга была увесистой. Когда она открыла её, из страниц выпало несколько сложенных листков. Се Линъи, проявив завидную расторопность, ловко подхватила их и спрятала в рукав.

Не успела она толком их рассмотреть, как тишину нарушил низкий голос:

— Что госпожа Се здесь делает?

Се Линъи едва заметно вздрогнула, но тут же с невозмутимым видом обернулась.

Пэй Чжаохэн неизвестно когда появился в тени у двери. Он был не в форме Булянжэнь, а в

тёмно-синем ночном облачении, скрывающем лицо, и почти сливался с полумраком коридора.

— Этот вопрос, — Се Линъи медленно поднялась и улыбнулась, — я должна была бы задать первой. Господин Пэй, в такой час, в подобном наряде, прокрасться в архив уездной управы — что же вы задумали?

— Тех двоих шпионов ты специально придержала, чтобы передать мне на допрос лишь после моего прибытия в город, — Пэй Чжаохэн проигнорировал её вопрос и шагнул вперёд, его голос звучал холодно. — Давала их сообщникам время сбежать?

Не успел он закончить, как Се Линъи почувствовала холод у шеи — клинок в ножнах уже плотно прижался к её плечу.

— Господин Пэй, о чём это вы? — Се Линъи слегка наклонила голову, стараясь аккуратно отодвинуть ножны. — Если не сломить их спесь и не использовать особые методы, разве станут они легко говорить правду? Вы сами видели, что творится в городе: эпидемия, разруха. Мои люди днём и ночью заняты спасением жизней, у меня просто нет свободных рук для поимки шпионов.

Она говорила искренне, с ноткой естественной досады:

— К тому же, мои помощники — в основном крестьяне, знающие толк в полевых и чайных делах. Они могут разобраться в травах или навести порядок, но гнаться за обученными лазутчиками... Господин Пэй, вы требуете от меня невозможного.

— Хватит играть словами, — взгляд Пэй Чжаохэна был остр, как клинок. — Какова твоя истинная цель? — С этими словами он надавил сильнее, прижав оружие к её шее.

— Как и у вас, господин Пэй. Видеть несправедливость и не вмешаться — значит быть трусом. Ланьян в беде, люди ни в чём не повинны, я не могу сидеть сложа руки, — Се Линъи снова слегка отстранила опасный клинок. — Почему вы допрашиваете меня, как преступницу?

Пэй Чжаохэн смотрел ей прямо в глаза. Спустя мгновение он убрал клинок, перевёл взгляд на синюю брошюру в её руках и, помедлив, сухо произнёс:

— Отдай.

— Это лишь старые записки моего дяди, — без колебаний ответила Се Линъи, протягивая книгу. — Господин Пэй, вы заинтересовались?

Пэй Чжаохэн опустил оружие, бегло пролистал книгу, убедился, что она цела, спрятал её за пазуху и, не проронив ни слова, развернулся и ушёл.

— Господин Пэй, — негромко окликнула его Се Линъи. — Поговаривают, пришёл указ из столицы: Армия Чжэньбэй должна выделить элитный отряд для сопровождения посольства Усуни. Если судить по срокам, вам, вероятно, придётся выступить на север уже сегодня ночью.

Она сделала паузу и добавила тише:

— Если в деле Ланьяна остались неясности, боюсь, в спешке вам не удастся докопаться до истины. Может, доверите мне присмотреться к деталям? Что скажете?

Пэй Чжаохэн замер, но не обернулся:

— Не стоит. Ваша помощь пострадавшим — уже великое благо. Раз уж вы человек чистый и благородный, не стоит ввязываться в эту мутную воду.

— Что ж, — Се Линъи не стала настаивать и поклонилась, — благодарю за заботу.

Когда его фигура окончательно скрылась в глубине коридоров, окно рядом бесшумно открылось. Лю Юнь ловко впрыгнула в комнату и прошептала:

— Госпожа, похоже, этот господин Пэй вам не доверяет. Не хочет объединять усилия.

— Ничего страшного, — Се Линъи смотрела на сгущающиеся сумерки, её голос звучал уверенно. — Он вернётся ко мне.

Она крепче сжала спрятанные в рукаве листки.

— Эпидемия в Ланьяне под контролем, жизнь налаживается, Ван Сиху справится. Как только Пэй Чжаохэн уедет, завтра и мы отправимся обратно на Гору Юньшань.

Ханьчжоу, Гора Юньшань.

Сгущались сумерки, далёкие горы казались чернильными пятнами, поглощающими последние отблески заката. Небо окрасилось в глубокий ирисовый цвет. С гор тянуло прохладой, щебет возвращающихся птиц и тонкие струйки дыма из очагов растворялись в наступающей ночи. Поместье на горе Юньшань погрузилось в безмятежный покой.

— Бабушка, Цзяоцзя вернулась! Я принесла вам свежего чая.

Чистый голос девушки, словно горный ручей, бегущий по гладким камням, звонко прорезал вечернюю тишину двора.

С бамбуковой корзиной за спиной она неспешно шла по извилистой каменной тропинке. Её силуэт в лёгкой голубоватой дымке сумерек казался призрачным, но удивительно живым.

Двадцатилетняя девушка в простом лунно-белом платье, казалось, вобрала в себя и глубокую мудрость старинного рода, и чистоту самой природы.

Больше всего в ней приковывали взгляд глаза — вечно улыбающиеся, но полные пронизательности. А изюминкой была едва заметная родинка у внешнего уголка правого глаза, словно последняя точка мастера, завершающая портрет красавицы, придававшая ей особый шарм.

— Дядюшка У, будьте добры, принесите завтра родниковой воды с задней горы, чтобы заварить бабушке чай, — Се Линъи передала тяжёлую корзину ожидавшему управляющему.

Её бабушка, Гу Чживей, сидела у окна с резными рамами и упражнялась в каллиграфии. Её кисть танцевала, выводя иероглифы.

Се Линъи подошла ближе и увидела, что перо бабушки замерло на росчерке иероглифа чиновник. Стоило ей коснуться пресс-папье, как кисть бабушки вдруг дрогнула, и тушь легла на бумагу резким, острым штрихом — недаром в столице поговаривали, что когда госпожа Гу подписывала указы, один её росчерк мог решить судьбу чиновников трёх ведомств.

Даже спустя годы после ухода со службы, этот стальной характер остался в её крови.

Се Линъи смотрела на сосредоточенный профиль бабушки, на глубокие морщинки у глаз и серебряные нити в волосах. Та, кого когда-то боялись и уважали в правительстве, теперь стала обычной старушкой, нянчащей внуку. Десять лет на горе Юньшань смыли былые бури, оставив лишь этот тихий покой. От этой мысли у Се Линъи предательски защемило сердце.

— Этот росчерк требует твёрдости, — Гу Чживей, не заметив перемены в настроении внучки, улыбнулась. — Вернулась из Ланьяна и даже дня не отдохнула, сразу за чай взялась?

Увидев, что стол уже накрыт, Се Линъи помыла руки, помогла бабушке пересесть и, нежно массируя её тонкие запястья, проворковала:

— Бабушка, у меня руки от сбора чая совсем разболелись.

Гу Чживей легонько ткнула внуку в гладкий лоб:

— Ох? А корзины Цин Юй и Лю Юнь не помогли донести? Или тётушка Сюй пожалела тебя и не наполнила корзину до краёв? — В её голосе слышалась ласка.

Се Линъи рассмеялась, переводя тему, и принялась усердно ухаживать за бабушкой:

— Мясо по-хрустальному, что приготовила Су Юнь, сегодня особенно нежное, прозрачное, как нефрит. С нашим выдержанным уксусом — просто объедение, бабушка, ешьте больше.

— Весь день трудилась, а язык всё такой же острый, — покачала головой Гу Чживей и с любовью посмотрела на двух служанок, стоявших за спиной Се Линъи: — Цин Юй, Лю Юнь, и вы подходите, садитесь ужинать. Наверняка проголодались, дома не нужно соблюдать лишних формальностей.

После ужина стол убрали, подали чай.

Се Линъи сидела рядом с бабушкой, рассказывая о том, что видела в Ланьяне, о горных забавах и чайных церемониях. Вдруг в зал тихо вошёл управляющий У с безмятежной улыбкой на лице:

— Госпожа, матушка, пришло ежемесячное письмо от госпожи из Шанцзина, почтовый гонец доставил.

<http://bllate.org/book/19397/1899331>